

Почему возникло это название — «Мария и Марфа»? Сочетание двух этих имен в Евангелии избрано святыми отцами как некий символ служения женского рода Богу.

Евангельское чтение о Марфе и Марии избрано святыми отцами как Богородичное Евангелие, и никакое иное, а именно это Евангелие всегда читается на Богородичные праздники (Лк., 54 зач., X, 38-42, XI, 27-28).

Марфа и Мария. Второе имя, Мария — это имя Матери Божией. Здесь оно поставлено на второе место. Но на самом деле, в Евангелии оно возвышается на первое место: *Мария же благую часть избрѧ, ѧже не*

отъимется от нея, говорит Господь. Благая часть — выше, она принадлежит Марии. Марфа — это служение земное. Мария — это служение духовное, небесное. Поэтому, чтобы оттенить этот смысл, эту сторону в евангельском повествовании, представленные в этой книге проповеди и названы: «Мария и Марфа».

В жизни два этих служения обычно разделяются и даже противопоставляются. У одной сестры начало более деятельное, у другой — созерцательное. Но, видимо, чтение этого Евангелия в Богородичные праздники имеет смыслом своим засвидетельствовать, что эти два служения сестер неразделимы, как две заповеди — о любви к Богу и ближнему.

Когда спрашивают — в обычной жизни это часто бывает — что лучше: ходить в церковь или делать добрые дела? — то ответ на это звучал бы лучше так: ходить в церковь и делать добрые дела. Не *или-или*, а *и-и*: и то, и другое. Как невозможна истинная любовь к Богу без любви к ближнему, так невозможна и истинная любовь к ближнему без любви к Богу. Как неразделимы две эти заповеди, так неразделимы и два этих вида человеческой деятельности. И в сочетании их как раз и заключается весь подвиг. По времени деятельное служение, может быть, занимает даже большую часть нашей жизни, но в любом случае деятельное служение не совершается без молитвы, духовной сосредоточенности.

Когда Марфа говорит Господу: *Господи, не брежéши ли, яко сестра моя ед́ину мя остави*

служити? Рцы́ ўбо ей, да ми помóжет, — Господь говорит: Мáрфо, Мáрфо, печéшися, и мóлвиши о мно́зе. Ед́ино же есть на потрéбу, Мария же благúю часть избрá, яже не отýмется от не́я. Господь не говорит: «Мария избрала благое, а то — не благое», — то есть то вроде бы не нужно. Нет, но и та часть должна помнить, что она является только частью единого целого, и во всем этом служении прежде всего должна присутствовать благая часть.

У Марфы тоже было служение любви — ведь она же по любви ко Господу, к гостям трудилась. Но Господь подчеркнул, что все это должно делаться во имя Божие, с благой частью, ибо каждое дело несет на себе печать нашего внутреннего расположения, чувства. Это, пожалуй, и есть та благая часть, которая должна присутствовать в каждом добром деле.

Видимо, это то, о чем говорил преподобный Серафим Саровский: всякое доброе дело — его не назовешь не добрым, но оно только тогда дает благодать Святаго Духа, тогда оно есть истинно доброе дело, когда делается ради Господа. То есть, с той самой благой частью. Так же — по отношению к человеку: истинно доброе дело, доброе чувство — если оно с любовью к Богу. То есть, с той частью, которая не отнимется.

Благая часть — это то, о чем Господь говорит в притче о десяти девах: *Мúдрыя же при́йша елéй в сосúдех со светíльники сво́ими* (Мф. XXV, 4). Земная часть без небесной, без духовной выдыхается, теряет свою соль. Поэтому хочется, чтобы люди помнили:

когда мы делаем всякое доброе дело, в нем всегда должна присутствовать благая часть.

Вот делает человек что-то — когда он делает ради Бога, в ответ он часто не получает благодарности или даже его труды вообще не принимают. Но когда он трудится ради Бога, то у Бога все равно все учтено, и оно всегда остается.

Так что это сочетание: Мария и Марфа — присутствует в жизни во всяком деле. А что касается того разделения, которое пытаются в это внести: Марфа **или** Мария? — то с этим, пожалуй, можно соотнести другое место Евангелия, где Иуда оценивает на сребреники миро, которым Мария помазала ноги Спасителя: можно было бы столько добрых дел сделать на эти деньги! Господь говорит: *Ніщія всегда імате с собою, Менé же не всегда імате* (Ин. XII, 3-8).

Это вопрос, кстати, очень современный: что важнее, восстанавливать храмы или создавать благотворительные учреждения? Храм, прежде всего, печется о душе, а благотворительные учреждения, большей частью, заботятся все-таки о теле. Их нельзя противопоставлять друг другу, поскольку и то, и другое есть забота о человеке, состоящем из души и тела. Но душа все-таки больше тела. Поэтому забота о душе больше заботы о теле.

*прото. Валерий
Кривос*

4 мая 2005 года.